

В Праге мы не ходили в музеи, а бродили по городу, заходили в пивнушки, будто мы не туристы, а жители, пусть всего на неделю. У мужа спрашивали дорогу, и я дразнилась, что он похож на местного любителя пива. Впрочем, у него всегда дорогу спрашиваю, вид у него такой — всюду местный.

Видели граффити — советские танки. В гостинице я включила компьютер, стала искать улицы, где танки шли в шестьдесят восьмом. Это было, оказывается, здесь, под нашими окнами. Здесь они шли. Из этого вот окна было видно, как чехи пытаются остановить их руками, и демонстрацию у статуи Вацлава, и плакат по-русски: «У нас есть убитые. Что ты скажешь своей маме?»

Я взялась за бронзовую ручку окна, и ладонь собственной своей памятью вспомнила другую ручку, такую же бронзовую, и окно в другом городе, в другой стране.

Не помню, как назывался тот украинский город, кажется Винница — а может Умань. Я днями сидела в гостинице на подоконнике, ждала маму, читала книжку и жевала конфеты — в то время сахар считался полезным для сердца.

Мама в этом городе, Виннице или Умани, вела журналистское расследование. На заводе случилась авария, директор обвинил инженера, хотя тот как раз предупредил, что цех надо закрыть, работать опасно. Теперь инженеру грозила тюрьма, он написал в газету, и мама приехала его защищать. То есть, не защищать, а разбираться.

К обеду мама возвращалась в гостиницу, мы шли в гастроном, покупали чего-нибудь: колбасы, молока, хлеба. Ели на лавочке в парке, играли в слова, кормили голубей.

Как-то ночью меня разбудил шум. Воздух гудел и дрожал, причем не снаружи, а внутри, в грудной клетке. Дверца шкафа открылась и качалась туда-сюда, мелькая в темноте зеркалом. Дребезжали оконные стекла, вибрировал пол. Я открыла окно, и грохот оглушил меня.

Проснулась мама, подошла, обняла сзади, положила подбородок мне на макушку. Мы стояли и ждали, не зная чего. Грохот и лязг стали ближе, показалось что-то темное, большое, во всю ширину улицы.

Оно двигалось к нам.

— Танки, — сказала мама. — Просто много танков.

Широкие, намного шире обычных машин, они шли близко друг за другом, почему-то задом наперед. От них поднимался дым, едкий выхлоп. Я закашлялась, мама закрыла окно. Мы сидели на вибрирующем подоконнике, закутавшись в одеяла, долго сидели, пока не прошли танки.

Утром мы вышли купить чего-нибудь на завтрак. В гастроном было не протолкаться, очередь стояла вдоль всего квартала и заворачивала за угол. Утрюмая молчаливая очередь.

— Знаешь, за чем они стоят? За солью, хлебом и спичками! — рассмеялась мама.

По тому, как она это сказала, было ясно: они глупые паникеры, а мы — молодцы. Мама нашла офицерскую столовую, показала удостоверение журналиста, нас пустили. До сих пор помню котлеты с картошкой, доски пола, выкрашенные желтой краской, и мужчин в форме. Было тихо, офицеры разговаривали вполголоса.

Я не знаю, чем кончилось мамино расследование, за кого заступилась ее статья: за инженера или директора. Мне хотелось, чтобы за инженера.

Через много лет я сопоставила даты: это было летом шестьдесят восьмого года. Мы видели танки, идущие в Чехословакию. Недавно один знакомый сказал мне, что танки не могли пустить по городским улицам, гусеницы разворотили бы асфальт. Но я-то помню. Я и в кино с тех пор вижу танки иначе — они больше и куда страшней, чем кажутся на экране.

Под окном шумела Вацлавская площадь. Я села к компьютеру, отыскала в кинохронике нашу гостиницу, в то время жилой дом. В кадре мелькнуло окно, в нем женщина, похожая на меня. Хотя нет, не на меня — она была в точности моя мама. Та же прическа, такая же тонкая рука на темной раме. А возле нее, чуть впереди...

— Смотри, девочка! Ну вот же, волосы хвостиками. Ну вот же, видишь?

Я крутила видео снова и снова, муж всматривался в экран, качал головой:

— Это так падает тень. Останови кадр.

В неподвижном кадре девочки не было.

Муж подал салфетку, и я поняла, что плачу. Почему-то мне было важно, чтобы похожая на меня девочка стояла здесь у окна, как я тогда в украинском городе — Виннице или Умани. Будто это я была здесь в августе шестьдесят восьмого. Я же помню, как отзывался под ребрами гул, дрожал подоконник. Я даже знаю, как

здесь пахло — едким выхлопом.

Муж подал еще салфетку, наклонился к экрану и сказал:

— Да, похоже на девочку, пожалуй...

Теперь, когда он перестал спорить, я увидела, что никакой девочки нет, — просто так падает тень.